

© 2014 г.

А.В. ЛАВРЕНОВА

ПОЕЗДКА ЭДУАРДА ЭРРИО В СОВЕТСКУЮ РОССИЮ В 1922 году (ПО НОВЫМ АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ)

В сентябре 1922 г. в Советскую Россию приехал видный французский политический деятель Эдуард Эррио (1872–1957), мэр города Лиона и глава партии радикал-социалистов. Его поездка носила частный характер, но по произведенному эффекту и последствиям ее можно считать более значимой, чем иные официальные визиты.

О приезде Эррио в страну Советов говорится во всех публикациях, посвященных советско-французским отношениям межвоенного периода, что вполне закономерно. Ведь эта поездка состоялась еще до того, как Эррио после победы его партии на выборах 1924 г. сформировал правительство, которое официально признало СССР 28 октября 1924 г. и установило с ним дипломатические отношения. Советские историки оказались в сложной ситуации, когда им пришлось оценивать результаты пребывания французского гостя в советской России. С одной стороны, они должны были исходить из последующего развития событий, завершившихся официальным признанием Советского Союза правительством Эррио, а с другой – учитывать тот факт, что советское руководство, принимавшее Эррио, не смогло, как ни старалось, превратить французского политика в сторонника большевистского режима. Отсюда и проистекало двойственное отношение к Эррио и его визиту в Россию в 1922 г. в советской историографии.

Признавая политический реализм и дальновидность Эррио, советская историография одновременно делала акцент на его буржуазной ограниченности, якобы помешавшей ему разобраться в том, что он увидел в стране победившего пролетариата¹.

Не случайно в советской России не стали переводить увидевшую свет в Париже практическую сразу же после его возвращения во Францию книгу Эррио “Новая Россия”, куда вошли статьи о его впечатлениях от России, написанные для газеты “Petit Parisien”. Книга явно не соответствовала ожиданиям советского руководства. Только в 1935 г. в связи с новым советско-французским сближением в СССР выйдет книга Эррио “Восток” с главами о России, правда, написанными по впечатлениям от другого, более позднего его путешествия.

Обширные фрагменты из “Новой России” можно обнаружить в широко известных мемуарах Эррио “Из прошлого: между двумя войнами”, опубликованных в Москве в 1958 г. Идеологически подходящие цитаты из “Новой России” начинают встречаться в работах советских историков не ранее 1960-х годов.

Отметим, что документы из Архива министерства иностранных дел Франции, связанные с визитом Эррио, впервые были использованы лишь в книге известного советского франковеда Ю.В. Борисова “СССР и Франция: 60 лет дипломатических отно-

Лавренова Александра Викторовна – соискатель ученой степени кандидата исторических наук (ИВИ РАН).

¹ См.: *Антюхина-Московченко В.И.* СССР и Франция: Советско-французские отношения в 1917–1967 гг. М., 1967, с. 8; *История Франции*, т. 3. М., 1973, с. 84; *Рубинский Ю.И.* Тревожные годы Франции. М., 1973, с. 79–80; *Молчанов Н.* СССР – Франция: полувековой путь. М., 1974, с. 8–10.

шений”². Автор, много лет прослуживший в посольстве СССР в Париже, имел возможность работать в архиве Кэ д’Орсэ. К сожалению, в его книге отсутствуют конкретные ссылки на архивные фонды и номера дел. То же касается и документов из Архивного департамента МИД СССР (ныне – Архива внешней политики РФ), которые А.В. Борисов привлек при написании монографии.

Как во французской, так и в советской историографии упоминаются города и достопримечательности, с которыми познакомился Эррио, перечисляются советские деятели, с которыми он встречался, но ни сам Эррио, ни позднейшие исследователи никогда не писали о том, как вообще могла состояться эта поездка, кто ее организовал и какой она имела резонанс. В настоящей работе предпринята попытка восполнить существующие пробелы на основе изучения опубликованных работ самого Эррио, а также впервые привлекаемых материалов из российских архивов и Архива министерства иностранных дел Франции.

* * *

“Я совершил свое первое путешествие в Россию осенью 1922 года. Я хотел сам составить себе представление о положении страны, о которой распространялись самые различные сведения... Предупредительный посредник достал мне паспорта”³, – писал Эррио в своих воспоминаниях.

Одним из таких не названных им посредников был некто по имени Арман Бланке Дю Шайла (Александр Максимович Дюшайло, Дышайля) – французский граф, человек с удивительной биографией. Известно, что он родился в 1885 г., но о дате его смерти сведения отсутствуют. Пожалуй, самую емкую и парадоксальную характеристику дал графу историк-эмигрант П.Е. Ковалевский, так написавший о нем: “Известный оригинал, собиратель русских церковных древностей, левый политический деятель, но одновременно большой друг Православия”⁴.

Француз, выпускник иезуитского колледжа, Дю Шайла приехал в Россию в 1904 г. в связи с личными религиозными исканиями. Жил он в Оптиной пустыни и там познакомился с небезызвестным Н.С. Нилусом, который считается автором “Протоколов сионских мудрецов”. Позднее Дю Шайла учился в Санкт-Петербургской духовной академии и в Технологическом институте. Во время Первой мировой войны он служил в Красном Кресте, затем в русской армии. Участвовал в Белом движении, разочаровался в нем и в 1920 г. был осужден военным трибуналом армии генерала Врангеля за связи с большевиками. Вернувшись во Францию, граф начал активно помогать советским дипломатам в налаживании связей с враждебной Европой. Как писал советский полпред в Берлине Н.Н. Крестинский, Дю Шайла “считал себя более русским, чем французом, и притом сторонником советской власти”⁵. Следует подчеркнуть, что в пользу советской России он работал по идейным соображениям и по собственной инициативе.

Дать исчерпывающую, подтвержденную документами характеристику тем отношениям, которые связывали Дю Шайла с руководителями советской дипломатии, пока не представляется возможным. Однако ясно, что услугами Дю Шайла в Москве пользовались охотно. Впрочем, поначалу, видимо, из классовых предубеждений ему не доверяли. Ощущая это недоверие, Дю Шайла переживал. “Почему Ваши (советские. – А.Л.) деятели всегда меня встречают, как парламентар встречает врага?”, – писал он⁶. Судя по более поздним документам, граф все-таки доказал свою приверженность советской

² Борисов Ю.В. СССР и Франция: 60 лет дипломатических отношений. М., 1984.

³ Эррио Э. Из прошлого: между двумя войнами. 1914–1936. М., 1958, с. 148.

⁴ Ковалевский П. Эдуард Эррио: по личным воспоминаниям. – Русская мысль, Париж, 1.IV.1963.

⁵ Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ), ф. 04, оп. 42, п. 259, д. 53620, л. 41.

⁶ Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Документы и материалы. Т. 3. Возвращение. М., 2002, с. 216.

власти и практическую полезность: в Народном комиссариате по иностранным делам (НКВД) его оценили и стали дорожить оказываемыми им услугами. 2 января 1924 г. Г.В. Чичерин писал Х.Г. Раковскому: “С весьма полезным нам Дю Шайля Вам нужен был бы более постоянный контакт”⁷. В письмах в НКВД граф сразу же (с 1921 г.) берет на себя роль советчика и даже стратега: глубоко анализирует проблему русского влияния в Турции, демонстрирует блестящую осведомленность в вопросах репатриации, делает смелые прогнозы.

В начале 1920-х годов Дю Шайля активно взаимодействовал с комитетом Ф. Нансена при Лиге наций по репатриации на родину солдат Русского экспедиционного корпуса. Однако официальный статус граф получил лишь в 1924 г., став сотрудником миссии Нансена⁸. Работа в нансеновском комитете объясняет постоянные перемещения Дю Шайля между Францией и традиционно нейтральной Швейцарией, где легче было сохранить свои действия в тайне.

В Париже Дю Шайля бывал наездами, жил он в Лионе, мэром которого в это время был Эррио. Согласно позднему свидетельству П.Е. Ковалевского, Дю Шайля дружил с Эррио, часто встречался с ним в маленьком лионском ресторанчике, приводил к нему своих знакомых⁹.

После образования Общества франко-русской дружбы в апреле 1924 г., членом которого был и Эррио, граф стал играть в этой организации заметную роль¹⁰.

Документы советского полпредства в Берлине свидетельствуют, что в апреле – начале мая 1922 г. Дю Шайля встречался с Эррио во Франции. Эррио сформулировал на этом свидании два предложения. Во-первых, встретиться снова через месяц на нейтральной территории и, возможно, не только вдвоем. Как раз в это время проходила Генуэзская конференция, по сути, бывшая первым “выходом в свет” советских дипломатов, и Эррио готов был пообщаться с кем-то из членов советской делегации или же с полпредом в Германии Крестинским. Во-вторых, вне зависимости от исхода конференции он предложил устроить советский павильон на ярмарке в Лионе в августе 1922 г. Договариваться по обоим его предложениям предстояло Дю Шайля¹¹.

Тогда же Дю Шайля передал в полпредство свою “Памятную записку о возможном изменении французского политического курса по отношению к России”¹². Он обозначил две силы, которые способны изменить политику в отношении Советской России. Это – партия радикал-социалистов и... франкмасонство. У радикал-социалистов, писал Дю Шайля, наметился поворот в русском вопросе, что связано с введением в России нэпа и ослаблением влияния русской эмиграции на французских политиков. Если прежде наблюдалось определенное сходство позиций радикал-социалистов с группой П.Н. Милюкова и эсерами, то теперь все изменилось. По мнению Дю Шайля, смена кабинета и приход к власти радикал-социалистов были практически гарантированы, причем, вполне вероятно, даже через досрочные выборы. Описав свою беседу с Эррио (о чем Крестинский докладывал в Москву), Дю Шайля отметил, что, желая встречи с кем-то из советских руководителей, Эррио уверен в том, что она завершится “добрым согласием”.

Французское масонство Дю Шайля приравнивал по влиятельности к партии радикал-социалистов. Самой крупной ложей он называл лионскую, которая, по его словам, уже начала активную деятельность по восстановлению русско-французских отношений, и в качестве примера привел концерт-конференцию, организованную в Лионе в

⁷ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ), ф. 159, оп. 2, д. 45, л. 98.

⁸ Русская военная эмиграция..., с. 510–511; Граф Александр дю Шайля. Воспоминания о С.А. Нилусе. – *Стрижев А.Н.* Сергей Нилус: Тайные маршруты. М., 2007, с. 272–294.

⁹ *Ковалевский П.* Указ. соч.

¹⁰ РГАСПИ, ф. 159, оп. 2, д. 45, л. 149.

¹¹ АВП РФ, ф. 04, оп. 42, п. 259, д. 53620, л. 41.

¹² Там же, л. 42–43.

пользу голодающих в России. Трудно сказать, действительно ли масоны занимались подобного рода деятельностью, но склонность автора записки к конспирологии, скорее всего, навеянной общением с Нилусом в Оптиной пустыне, очевидна.

У нас нет точных данных насчет встречи Эррио и Дю Шайла в июне 1922 г., но, судя по косвенным признакам и по тому, что организация поездки мэра Лиона в Россию продвигалась, они все-таки встречались. А в августе в окрестностях Женевы “при соблюдении всех мер предосторожности” Дю Шайла имел свидание с “друзьями г-на Эррио”¹³. Хотя письмо (на французском языке), где говорится об этой встрече, обнаруженное среди документов НКВД, не подписано, можно с большой уверенностью утверждать, что оно принадлежит перу Дю Шайла. Об этом свидетельствуют приведенные там обстоятельства, упоминания о Нансене и др.

Со слов своих собеседников Дю Шайла передавал, что Эррио тоже настроен на восстановление сердечного согласия между двумя странами. От себя же он напоминал о той помощи, которую оказывал Лион под руководством Эррио русским военнопленным, забытым русским правительством, а также добавлял, что знаком с деятельностью Эррио как историка и философа.

Наверное, Дю Шайла был не единственным посредником в подготовке приезда Эррио в Советскую Россию, но он, безусловно, сыграл в этом деле свою роль. Однако гораздо более значимыми в организации путешествия лионского мэра оказались непосредственные контакты Эррио с наркомом иностранных дел Г.В. Чичериным. Их встречи происходили в Берлине в конце августа – начале сентября 1922 г., когда Чичерин в июле – октябре находился на лечении в Австрии и Германии. Географическая близость к европейским делам позволяла наркому эффективно налаживать личные связи с политиками и дипломатами. Неформальные завтраки или ужины, ни к чему не обязывая, были удобны для обеих сторон. Так Чичерин общался с английским послом в Берлине лордом д’Аберноном и будущим немецким послом в России графом У. Брокдорф-Ранцау¹⁴. С Чичериным, человеком большой культуры, нетрудно было найти общий язык и интеллектуалу Эррио. Нарком не считал нужным подробно докладывать об этих встречах в Москву. Упоминание о “продолжительных беседах” с Эррио есть только в справке, которую он подготовил для Л.Д. Троцкого¹⁵. Она была написана для консультации Троцкого перед встречей с Эррио в Москве. В ней говорилось, что собеседники уже успели обсудить довольно широкий круг проблем, в частности, желательность совместных действий в восточных вопросах (имелся в виду статус черноморских проливов и ситуация на Дальнем Востоке). В личной записке Л.М. Карахану, где нарком дает рекомендации своему заместителю, предваряя его беседу с Эррио, Чичерин упоминает о том, что уже говорил Эррио о разочаровании, которое испытывает русский народ из-за политики Франции в отношении России¹⁶.

Сам же Эррио не делал тайны из встреч с Чичериным: он рассказывал о них в интервью, видимо, желая подчеркнуть свою давнюю осведомленность в русских делах. Французский политик не скрывал, что незадолго до поездки он встречался с наркомом иностранных дел и еще с кем-то из советских деятелей и что инициатива его путешествия исходила от советской стороны, правда, указать, от кого именно, не захотел¹⁷.

О том, что Эррио был хорошо знаком с Чичериным еще до приезда в Москву, свидетельствуют и его многочисленные комплименты в адрес наркома: “великолепный Чичерин”, “ходячая энциклопедия”, “я бы назвал его классическим дипломатом с наплывами фантазии, духом, склонным к милым капризам... несмотря на его словесные

¹³ Там же, л. 4–6.

¹⁴ Томас Л.Я. Жизнь Г.В.Чичерина. М., 2010, с. 158–165.

¹⁵ АВП РФ, ф. 04, оп. 42, п. 259, д. 53619, л. 45–45об.; РГАСПИ, ф. 159, оп. 2, д. 46, л. 155–155об.

¹⁶ РГАСПИ, ф. 159, оп. 2, д. 46, л. 29.

¹⁷ Archives des Affaires Étrangères (далее – ААЕ), Correspondance politique et commerciale, 1914–1940. Relations entre la France et l’URSS, v. 350, f. 9–10.

“арабески”, он упорно следует к цели” и т.д.¹⁸ Впоследствии Эррио напишет в мемуарах, что ему суждено было пережить множество разочарований, но с Чичериным он остался “в дружеских отношениях”¹⁹.

Французские власти были хорошо осведомлены о планах Эррио относительно его поездки в Москву, что же касается встречи Дю Шайла с друзьями Эррио в окрестностях Женевы, то в документах министерства иностранных дел Франции упоминаний об этом не найдено. Зато там есть подробный отчет французского генерального консула в Швейцарии О. Вершера де Рефье о пребывании Эррио в Женеве 6–7 сентября 1922 г.²⁰ Консул отмечает, что помимо встреч, связанных с рекламой лионской ярмарки, Эррио встречался еще с кем-то, по-видимому, с тем, кто должен был проконсультировать его насчет предстоявшей поездки в Россию. Имена не называются, но, скорее всего, это был Дю Шайла.

На основе анализа материалов французского министерства иностранных дел, касающихся поездки Эррио, можно сделать несколько общих выводов, характеризующих отношение властей к замыслу мэра Лиона.

Очевидно, что путешествию с самого начала придавалось очень большое значение. Французские миссии в большинстве европейских стран, которые в разной степени интересовались взаимоотношениями Франции и Советской России, так или иначе отчитались о том, какое впечатление произвела поездка Эррио на местные политические круги, прислали обзоры прессы. Особенную активность проявили миссии в государствах-лимитрофах, т.е. пограничных с Россией, само существование которых было гарантировано Францией: Латвия, Эстония, Польша. Большой интерес продемонстрировали посольства в Дании и Швеции. Германия и Англия, естественно, тоже пристально наблюдали за этим “частным визитом”, который мог иметь далеко идущие политические последствия. Все задавались вопросом: означает ли поездка Эррио перелом в русской политике Франции?

Эррио неизменно отвечал, что его поездка имеет неофициальный характер, что главная его цель – налаживание экономических отношений с Россией и что он, мэр Лиона, политикой не занимается, это дело Парижа. Но, похоже, его заверения мало кого убеждали²¹.

По пути в Россию Эррио со своими спутниками – Эдуардом Даладье, коллегой по партии радикалов, и секретарем Капона – побывал в Берлине, Варшаве и Риге. Его предприятие везде привлекало всеобщее внимание. В некоторых случаях реакцию можно назвать чересчур эмоциональной и явно преждевременной. Например, французское посольство в Дании докладывало о беспокойстве среди немецких дипломатов, взволнованных тем, что приезд Эррио в Берлин спровоцировал общение французских и советских дипломатов на мероприятии в честь французского гостя. “Раньше, – говорили немецкие дипломаты, – французское посольство не замечало советской миссии, теперь же имеет если не официальные, то официозные отношения с ней”. Они также высказывали опасение, что отныне возможны секретные встречи французского посла в Берлине Ш. Лорана с Чичериным. Германскому представительству в России поручили пристально наблюдать за деятельностью Эррио в Москве и в провинции. Кроме того, решено было активизировать рапальскую политику, в частности, назначить в Москву полномочного посла. Им стал граф Брокдорф-Ранцау. Все это делалось с одной целью – не допустить сближения России и Франции²².

Возникшее напряжение постарался снять Чичерин. 26 сентября, когда Эррио уже находился в России, глава германского министерства иностранных дел Аго фон Маль-

¹⁸ *Herriot E. La Russie nouvelle. Paris, 1922, p. 277, 180.*

¹⁹ *Эррио Э. Указ. соч., с. 154.*

²⁰ ААЕ, *Correspondance politique et commerciale, 1914–1940. Relations entre la France et l'URSS*, v. 350, f. 6–6 verso, 14.

²¹ *Ibid.*, f. 13–16, 19.

²² *Ibid.*, f. 22–24.

цан давал обед в честь советского наркома перед его отъездом в Москву. “Чичерин, вопреки обыкновению, был очень словоохотлив”, успокаивал немецких дипломатов. По его мнению, поездка Эррио может привести к заключению советско-французского торгового договора, но никак не к серьезному политическому соглашению, докладывал все тот же осведомленный французский посол в Дании. Чичерин вновь подтвердил приверженность советской России рапальской политике²³.

Эррио не успел еще пересечь границу России, а из Берлина в Париж уже летели телеграммы с предупреждениями о том, что большевики попытаются использовать в своих интересах каждое его слово²⁴.

Чичерин, в свою очередь, очень волновался насчет того, как будет организовано пребывание французского гостя в России. В записках Карахану он писал о возможном “головотяпстве ГПУ”, которое “как будто поставило себе целью испортить все наши внешние сношения”. В то же время он предостерегал и от излишнего усердия: “Обратите внимание, чтобы наша публика из наивности не стала говорить наоборот и не стала сочинять несуществующих хороших чувств к Пуанкаре”²⁵. Следуя инструкциям наркома, Карахан внимательно следил за тем, чтобы Эррио и его спутники благополучно пересекли границу в Себеже, а их багаж не досматривали²⁶.

Ни о каких “хороших чувствах” речь, действительно, не шла. Со времени установления советской власти основной нерешенной проблемой в отношениях России и Франции были долги царской России. Держателями царских долговых бумаг были многие тысячи французов, поверивших широкой рекламной кампании этих займов, охватившей Францию накануне Первой мировой войны. Другим камнем преткновения являлся вопрос о собственности: французы, владевшие в России многочисленными промышленными предприятиями и объектами недвижимости, лишились их в результате одномоментной национализации, не получив никакой компенсации.

Еще до приезда в Россию Эррио не раз озвучивал свою позицию по вопросу долгов. Он заявлял, что бесполезно ждать уплаты долгов от разрушенной и разоренной страны; необходимо помочь ей в восстановлении хозяйства, дав заказы и концессии промышленности и торговле, в частности французской, а уж затем требовать уплаты долгов. Долг, по его мнению, должен выплачиваться в рассрочку.

В России Эррио и его спутники посетили Москву, Петроград и Нижний Новгород. Делегацию сопровождал Дмитрий Тимофеевич Флоринский (1899–1938), секретарь коллегии НКВД, один из немногих сотрудников наркомата, кто работал в дореволюционном министерстве иностранных дел и перешел на службу советской власти²⁷. Судя по почти ежедневным отчетам Флоринского, он прекрасно справлялся со своей задачей. Как утверждал Флоринский, Эррио даже собирался представить его к ордену Почетного легиона, но Флоринский предупредил, что вынужден будет отказаться от награды, так как советские граждане не принимают иностранных орденов²⁸. История с орденом выглядит сомнительно, учитывая неофициальный характер визита Эррио. Однако он и в самом деле был доволен работой Флоринского. После возвращения из России в письме Чичерину он передавал привет “замечательным сотрудникам” Флоринскому и Карахану²⁹.

В Москве Эррио встречался с Ф.Э. Дзержинским, Л.Д. Троцким, А.И. Рыковым, Г.Е. Зиновьевым, Л.Б. Каменевым, М.И. Калининным, Л.М. Караханом. Их имена, как

²³ Ibid., f. 82–83 verso.

²⁴ Ibid., f. 7.

²⁵ РГАСПИ, ф. 159, оп. 2, д. 46, л. 29, 31.

²⁶ АВП РФ, ф. 136, оп. 6, п. 5, д. 88, л. 9–12.

²⁷ *Лядов П.Ф.* Протокольная служба Министерства иностранных дел Российской Федерации (краткая история). – Дипломатический вестник, 2003, № 2.

²⁸ АВП РФ, ф. 04, оп. 42, п. 259, д. 53619, л. 50.

²⁹ Там же, ф. 136, оп. 6, п. 5, д. 89, л. 29.

правило, упоминаются в литературе, посвященной его визиту. Добавим к этому списку еще наркома внешней торговли Л.Б. Красина, экономиста А.А. Богданова и наркома финансов Г.Я. Сокольников. Именно они предоставили французскому гостю материалы, на основе которых Эррио, не доверявший официальной статистике³⁰, делал вычисления самостоятельно. По его выкладкам получалось, что советские тресты проигрывают мелким производителям, а заработная плата рабочего составляет 30–40% дореволюционного заработка³¹.

Среди прочего Эррио посетил Трехгорную мануфактуру в Москве, Путиловский завод в Петрограде, радиостанцию в Нижнем Новгороде. Очень впечатлили его масштабы Нижегородской ярмарки, которая, правда, уже закрылась. Эррио запросил место для лионских коммерсантов на ярмарке следующего года и пригласил директора Малышева на ярмарку в Лион.

На период пребывания Эррио в России пришлось история с концессией для английского миллионера Лесли Уркарта. Англичанину передавались для освоения огромные территории на Урале и в Сибири и промышленные предприятия. Красин подписал с ним договор, но Совет Народных Комиссаров отклонил его, что означало срыв договоренностей, которые Красин считал своим достижением.

Английская пресса во всем обвинила Эррио: якобы это он спровоцировал провал контракта Уркарта³². В своей книге Эррио ответил на эти обвинения кратко: “Вранье”. Его позиция действительно была иной: он вовсе не желал провала Уркарта. Грандиозная концессия Уркарта должна была проложить путь другим иностранным предпринимателям. Эррио лишь стремился добиться подобного контракта для Франции, о чем и говорил на встрече с Караханом³³. Он даже указал регион, где с успехом могли бы работать французы, – Алтай с его громадными природными ресурсами³⁴.

Однако Эррио вряд ли мог огорчаться из-за неудачи британцев. О своем неприятии английской политики двойных стандартов он говорил и в Москве. По его словам, именно Англия убеждала Францию не идти на уступки России в вопросе частной собственности на конференциях в Гааге и Генуе. Пуанкаре остался верен договоренностям, а Англия почти в то же самое время отправила в Россию Уркарта, чуть было не получившего небывалую концессию³⁵. Эррио заявлял также, что Англия, завладевшая германскими колониями и флотом, ныне выступает защитницей Германии и препятствует тому, чтобы Франции были выплачены репарации³⁶. Истинной причиной разрыва контракта он назвал позицию англичан в вопросе о черноморских проливах: “Русское правительство использует имеющееся у него оружие, чтобы разорвать экономическую блокаду, от которой страдает”³⁷.

У французского министерства иностранных дел была на этот счет и другая информация. Наиболее осведомленный среди французских представителей за границей, посол в Швеции Л. Делаво ссылаясь на некоего информатора, имевшего дружеские связи с М.И. Фрумкиным, заместителем Красина. Как известно, семья Красина – жена и три дочери – жили в Швеции, и Красин время от времени навещал их в Стокгольме. По сообщению информатора, во время одного из таких его приездов (сразу после провала с

³⁰ “Подозреваю в статистике, – иронизировал он, – некоторую демагогию: “Больше всего читают крестьяне, далее идут рабочие, затем, далеко позади, интеллектуалы”. Итак, я должен заключить, что, когда крестьянин станет интеллигентом, он перестанет читать?!” – *Herriot E.* *Op. cit.*, p. 202.

³¹ *Ibid.*, p. 79–80, 93, 99–100.

³² Об эмоциональной реакции английских политических кругов на эти события и жестком ответе Р. Пуанкаре подробнее см. *Борисов Ю.В.* Указ. соч., с. 22–23.

³³ АВП РФ, ф. 04, оп. 42, п. 259, д. 53619, л. 18.

³⁴ *Herriot E.* *Op. cit.*, p. 138.

³⁵ АВП РФ, ф. 04, оп. 42, п. 259, д. 53619, л. 21.

³⁶ Там же.

³⁷ *Herriot E.* *Op. cit.*, p. 139.

ратификацией концессии Уркуарта) Красин гневно “клеимил” и обвинял в этом провале Е.А. Преображенского и Н.И. Бухарина³⁸. Эррио, конечно же, был тут ни при чем.

О визите Эррио в Россию Красин тогда же рассказал, что “никто не был обманут грандиознее, чем мэр Лиона”, который принял за чистую монету все, что ему показали. Слабые места Эррио, уверял Красин, обнаружить было нетрудно. Убедившись в его антигерманизме (отметим, что Эррио никогда этого и не скрывал), “наигрывали ему в уши такие мелодии, что он уехал, уверенный в том, что одержал дипломатическую победу”³⁹. Троцкий, по словам Красина, организовал для Эррио целый спектакль, подгадав с появлением образцовых красноармейцев в кремлевском дворе. Но, вполне вероятно, что Троцкий мог выдумать эпизод с красноармейцами, чтобы показать себя в выгодном свете. По сообщению информатора, Красин не верил, что от поездки Эррио будет какая-нибудь польза: “Да, в течение месяца он пошумит, будет много говорить, писать, затем ему скажут замолчать, и он замолчит”⁴⁰. Многочисленные пометки в тексте документа свидетельствуют о том, что во внешнеполитическом ведомстве к нему отнеслись очень внимательно.

В своей книге, передавая беседу с Красиным, Эррио тоже утверждает, что “Красин предпочитает конкретные обсуждения абстрактным принципам”, не верит в дипломатическое решение каких-либо проблем, только по-деловому – *business like*⁴¹.

Если судить по документам НКВД, Эррио был довольно откровенен в своих беседах с советскими руководителями. Действующего премьер-министра Р. Пуанкаре он назвал “тростником, выкрашенным в металлический цвет”, сделал неожиданное заявление, что глава правительства “вовсе не так реакционен, как принято думать”⁴², и утверждал, что министерство Пуанкаре может пасть под натиском радикалов в любой момент. Но партия радикалов, объявил Эррио, ждет, когда кабинет дискредитирует себя окончательно. Свой отказ принять в начале 1922 г. от Пуанкаре портфель министра Эррио объяснил тем, что премьер предложил ему данный пост, так как чувствовал, насколько радикалы близки к власти⁴³.

Нередко между собеседниками завязывались споры, в основном вокруг вопроса о частной собственности, экономической эффективности крупного государственного или мелкого частного производства⁴⁴.

2 октября Эррио отправил Пуанкаре пространное письмо на основе своих первых впечатлений от пребывания в России. В нем он писал об огромной симпатии, которая существует в России по отношению к Франции, о том, что Россия не германизирована и ни в коем случае не находится на пути к германизации. Большевицкое правительство устойчиво, подчеркивал он, и никакое другое не может его заменить. Эррио рекомендовал правительству Франции вступить на путь переговоров, но твердо отстаивать свои интересы. По его словам, от долгов Россия не отказывается, необходимо искать пути компромисса. Предостерегая от подозрений в партийной субъективности, Эррио писал: “Ни на одну минуту не допускайте мысли, что я действую как человек партий”⁴⁵.

Ничего нового в смысле отношения Эррио к России в этом письме не было, но место его отправки – Москва – сыграло важную роль. Пуанкаре ответил на него телеграммой в одну строку, адресованной французскому Красному Кресту в Москве, через который осуществлялась связь с Эррио. Глава кабинета лишь подтвердил получение письма и

³⁸ ААЕ, Correspondance politique et commerciale, 1914–1940. Relations entre la France et l'URSS, v. 350, f. 118.

³⁹ Ibid., f. 119.

⁴⁰ Ibid., f. 119 verso.

⁴¹ *Herriot E.* Op. cit., p. 172.

⁴² АВП РФ, ф. 04, оп. 42, п. 259, д. 53619, л. 30.

⁴³ Там же, л. 23.

⁴⁴ Там же, л. 47–48; *Herriot E.* Op. cit., p. 80.

⁴⁵ АВП РФ, ф. 04, оп. 42, п. 259, д. 53619, л. 37–40.

благодарил за него⁴⁶. Однако ответ Пуанкаре был максимально использован советскими пропагандистами в свою пользу.

7 октября в “Известиях” появился материал, в котором Эррио от имени Пуанкаре выражал благодарность за прием французского представителя. Публикация вышла без согласования с НКВД. Флоринский, постоянно сопровождавший французского гостя, насторожился: “Боюсь, что эта неточность в интервью может произвести неблагоприятное впечатление как на Пуанкаре, так и на Эррио”⁴⁷.

Маленькая ложь порождает большую неправду: материал был перепечатан про-советской (и подконтрольной) “Сегодня”, выходящей в Берлине, и там телеграмма Пуанкаре, бывшая лишь знаком вежливости, уже объявлялась “первым документом, подтверждающим наличие отношений”. Статьи из “Известий” и “Сегодня” сразу же выслал в министерство иностранных дел Франции французский посол в Риге Д. де Мартель. Их же передало на Кэ д’Орсе польское посольство в Париже⁴⁸.

Таким образом, используя свою прессу, советская сторона выставила визит Эррио как официальный, за которым неизбежно последует признание советской России. Делалось это так уверенно и безапелляционно, что даже французский посол в Берлине, встречавшийся там с самим Эррио, опять запросил Пуанкаре о характере поездки мэра Лиона. Пуанкаре снова ответил, что это не официальная миссия⁴⁹. Вскоре, 17 октября, когда Эррио еще находился в России, Лоран пишет в дипломатическое ведомство Франции, что советское правительство использует визит Эррио для пропаганды, искажает его истинную сущность. То же он ставил в вину и правительству Германии, мотивы которого, отмечал он, иные, но приемы одурачивания схожи⁵⁰.

Французский посол в Швеции тоже докладывал в Париж, что, “несмотря на разъяснения, газеты по-прежнему пишут об официальной миссии Эррио”, которая стала несомненным успехом в советской кампании обещаний и интриг⁵¹.

В то же время с вопросом, официальна ли миссия Эррио в России, на Кэ д’Орсе неожиданно явился эстонский посол во Франции К.Р. Пуста. Он высказался в том смысле, что для Эстонии и других стран-лимитрофов было бы желательно заключить пакт о ненападении с Россией при посредничестве Франции и что эту идею Эррио мог бы озвучить в Москве. Эстонский посол признался, что идея пакта – его собственная инициатива, но он уверен, что правительство одобрит ее⁵².

Интересно, что Флоринский тоже отмечал повышенный интерес эстонцев к персоне Эррио и со своей стороны старался не допустить их непосредственного общения⁵³.

Практически одновременно в Париж поступил пространный доклад французского посла в Эстонии о положении в стране и ее отношениях с Россией. Торговля между двумя странами, докладывал он, несмотря на выгодное положение Эстонии, находится в упадке. Даже немецкие торговцы, поначалу с энтузиазмом хлынувшие в Россию, ныне (с весны 1922 г.) разочарованы: страна разрушена и добиться здесь ничего не удастся. В связи с этим у советской власти появилась новая идея – заманить в Россию французских торговцев и бывших владельцев предприятий обещанием концессий. Но платить за товары, считал посол, советская власть все равно не сможет⁵⁴.

⁴⁶ Там же, л. 49; ААЕ, *Correspondance politique et commerciale, 1914–1940. Relations entre la France et l’URSS*, v. 350, f. 69.

⁴⁷ АВП РФ, ф. 04, оп. 42, п. 259, д. 53619, л. 49.

⁴⁸ ААЕ, *Correspondance politique et commerciale, 1914–1940. Relations entre la France et l’URSS*, v. 350, f. 70–76, 92–93.

⁴⁹ *Ibid.*, f. 69.

⁵⁰ *Ibid.*, f. 94–95.

⁵¹ *Ibid.*, f. 100–102.

⁵² *Ibid.*, f. 80–81.

⁵³ АВП РФ, ф. 04, оп. 42, п. 259, д. 53619, л. 34.

⁵⁴ ААЕ, *Correspondance politique et commerciale, 1914–1940. Relations entre la France et l’URSS*, v. 350, f. 84–86 verso.

Однако, несмотря на столь пессимистический прогноз, французские торговые агенты в Эстонии настаивали на необходимости возобновления отношений с Россией. Из-за политики Франции они изначально находились в невыгодном положении, и посольство не могло не докладывать об этом. Торговый агент в Ревеле, например, писал, что поставка консервированного мяса в Россию, которую коммерсанты организовали на свой страх и риск, провалилась: Наркомат внешней торговли отказался принять груз в Петрограде, поскольку страной происхождения товара является Франция⁵⁵.

Тем временем посол в Берлине подтверждал, что немцы не в восторге от возможного сближения Франции с Россией, но надеются на охлаждение отношений Франции и Англии, что “уравновесит” ситуацию⁵⁶. Об интересе к визиту Эррио со стороны аккредитованных в Москве немецких дипломатов докладывал и Флоринский⁵⁷.

А французский посол в Варшаве А. де Панафье писал, что сначала в Польше не придавали особого значения визиту Эррио в Россию, но затем (вероятно, не без влияния советской пропаганды и всеобщей нервозности) он стал центральной темой польской политической жизни. Польские дипломаты постоянно поддерживали контакты с французскими коллегами. В частности, телеграммы и материалы из советской прессы пересылались польским представительством в Москве в посольство в Париже, откуда передавались во французское министерство иностранных дел⁵⁸.

Когда Эррио снова оказался в Варшаве на обратном пути во Францию, с ним пожелал встретиться сам глава государства маршал Юзеф Пилсудский. Их свидание происходило наедине, и о чем они говорили неизвестно. Затем на ужине во французской миссии отзывы Эррио о советской России внимательно выслушала аудитория, весьма сведущая в русских делах. Он говорил об эволюции советского режима, о том, что комиссары уже далеки от чистого марксизма, восхищался политической зрелостью и умом советских вождей, особенно Троцкого. И заявил, что по возвращении во Францию будет выступать за немедленную отправку комиссии для изучения возможностей экономического и культурного сближения с Россией⁵⁹.

Некоторые польские политики, как отмечал французский посол в Варшаве, рассчитывали использовать географически выгодное положение своей страны для присоединения к новому союзу Франции и России. Но, как оказалось, в планах Эррио места Польше не было. “Поляки боятся, что с поездом, увезшим Эррио, развеется их (последняя. – А.Л.) иллюзия”⁶⁰, – замечал по этому поводу М. Сулье, французский биограф Эррио.

По “свежим следам” своего путешествия Эррио написал уже упоминавшуюся выше книгу “Новая Россия”. Мнение Сулье о крайней наивности этого произведения не совсем обосновано⁶¹. Наивность в нем, безусловно, присутствует, однако экскурсы Эррио в русскую историю, будь то политические события, история архитектуры или революционное движение, очень основательны и свидетельствуют о прекрасном знании предмета, в частности, русской культуры. Эррио упоминает множество имен классиков русской литературы: Гоголь, Достоевский, Толстой и др. В описании Кремля и Зимнего дворца чувствуется взгляд неравнодушного зрителя.

Советские авторы, как правило, цитировали только одну мысль Эррио: старая Россия умерла навсегда, советская власть крепка и необходимо договариваться с ней. На самом деле рассуждения автора гораздо глубже. Он разбирает политическое устройство

⁵⁵ Ibid., f. 96–98.

⁵⁶ Ibid., f. 77.

⁵⁷ АВП РФ, ф. 04, оп. 42, п. 259, д. 53619, л. 50.

⁵⁸ ААЕ, Correspondance politique et commerciale, 1914–1940. Relations entre la France et l'URSS, v. 350, f. 92–93.

⁵⁹ Ibid., f. 87–88 verso.

⁶⁰ Ibid., f. 90 verso.

⁶¹ Soulié M. La vie politique d'Edouard Herriot. Paris, 1962, p. 102.

России при большевиках с научной последовательностью и, можно сказать, с беспощадностью. По понятным причинам об этом умалчивали.

Эррио не любил учение Маркса⁶² за схематизм и механистичность, говорил, что сам Маркс тоньше, чем его произведения, и сформулировал мысль о большевизме как о новом религиозном культе: “Большевики ошибаются, когда говорят, что уничтожили религию. В стороне от православной доктрины и в борьбе с ней большевизм создает новую догму, марксистскую, которую и будет исповедовать”⁶³. Партия, скрепленная дисциплиной, писал он, выполняет в этой системе функцию жрецов. По словам Эррио, марксизм в России существует в виде легенд, изобретенных большевиками, а не в виде тезисов, которые Маркс стремился научно обосновать. Более того, автор “Новой России” считал, что Маркс не мог бы одобрить ни насилия большевиков, ни попытку ускоренными темпами заставить страну достичь уровня промышленного развития, от которого она слишком далека⁶⁴.

Главная претензия гуманиста Эррио к советскому режиму – это отсутствие реальных прав и свобод граждан. Чтобы уничтожить классовое разделение, отмечал он, уничтожаются все классы, кроме пролетариата, а те, кто к нему не принадлежит, фактически лишены всех прав, в том числе права голоса. Господство одной партии, по его мнению, имеет целью “основать политическую жизнь на догме, удалить из политики рациональность, убить критический дух – единственный элемент человеческого прогресса”⁶⁵. В то же время пролетариату даются фиктивные свободы мысли и собраний, которые невозможно реализовать.

Весьма характерна оговорка Эррио: такой режим невыносим для Франции, так как он отменил бы путь, проделанный ею за несколько веков. Однако оспаривать право русского народа устанавливать у себя строй по своему выбору, писал он, неправомерно: если русский народ устраивает режим, при котором у него отсутствуют свободы, жизненно необходимые, например, французу, то это право русского народа. Подобные “права” не должны мешать странам устанавливать отношения, торговать, налаживать культурные связи⁶⁶. Именно эти мысли из “Новой России” и стали идеологическим обоснованием политики Эррио как государственного деятеля.

Реальность, бедственное положение России, подчеркивал он, заставили большевиков провозгласить нэп, который привел к исчезновению чистого коммунизма (“коммунизм отныне не более чем фикция”⁶⁷), к эволюции советского режима. Тезис об эволюции будет основополагающим во всех выступлениях Эррио. Именно этот тезис, как представляется, ему и не простили в советской России: получалось, что все достижения большевиков связаны с временным отходом от большевистского курса! По мнению Эррио, естественное течение жизни приведет к тому, что в обществе возникнет потребность в гражданских правах, а в крестьянстве будет нарастать тенденция к накоплению, индивидуализации хозяйства. Поэтому для него ответ на вопрос: “Марксизм поглотит крестьянство или крестьянство поглотит марксизм?” – был очевиден⁶⁸.

⁶² «Еще в студенческие годы, в Эколь Нормаль, Маркс и Энгельс его раздражали. Он не чувствовал никакой тяги к обществу с навязанным равенством. Философия исторического материализма, враждебная любому творческому вмешательству человеческого гения в развитие общества, разочаровала его, казалась неверной. С этого времени сущность его политической мысли заключалась в нескольких строках, которые он часто повторял: “Не надо противопоставлять пролетариат капитализму даже на словах, но надо заставить пролетариат исчезнуть, подняв условия его жизни”». – *Bessege H. Herriot parmi nous*. Paris, 1960, p. 175.

⁶³ *Herriot E. Op. cit.*, p. 41.

⁶⁴ *Ibidem*.

⁶⁵ *Ibid.*, p. 53.

⁶⁶ *Ibid.*, p. 58. Об отношении Эррио к большевизму также см. *Jessner S. Edouard Herriot: Patriarch of the Republic*. New York, 1974, p. 57.

⁶⁷ *Herriot E. Op. cit.*, p. 65.

⁶⁸ *Ibid.*, p. 67.

В своей книге Эррио анализирует состояние промышленности и торговли, функционирование советских трестов, трудовое законодательство советской России, бюджетную и налоговую системы, кооперативное движение, большой интерес проявляет к организации Красной Армии. Боровшийся за утверждение светской школы во Франции, Эррио рассчитывал увидеть такую школу в России. Но здесь его ждало разочарование – школа оказалась не светской, а антирелигиозной, что далеко не одно и то же⁶⁹.

К осени 1922 г. проблема голода еще не была решена в России. В стране работали миссии Красного Креста, в том числе и французская, другие международные организации. Тем не менее Эррио уверенно заявляет, что голод в России побежден⁷⁰. Лишь в некоторых регионах, уточняет он, ситуация остается тяжелой, но сам он этого не видел. Сотрудники французского Красного Креста, с которыми общался Эррио, так же, как и он, были ограничены в передвижениях и работали только там, где разрешало советское правительство. В сущности, Эррио был одним из первых путешественников по советской стране, на ком отрабатывались методики показухи: видеть позволялось лишь то, что хотели показать иностранцу. Голод, как закономерный результат политики большевиков, в эту схему не вписывался.

По возвращении во Францию Эррио включился в активную кампанию за налаживание связей с Россией, для начала – торговых. Он готовил книгу, выступал в Палате депутатов, а также беседовал с главой правительства Пуанкаре, о чем сообщил в письме Чичерину от 26 октября 1922 г. В этом письме Эррио выражал крайний оптимизм относительно скорого обмена торговыми делегациями⁷¹.

Контакты с Дю Шайла продолжились. В письмах, отправленных в НКВД в июне 1923 г., граф упоминает о встречах с Эррио, состоявшихся 9 и 10 декабря 1922 г.⁷² Дю Шайла явно досадует на то, что в СССР не ценят расположения к нему авторитетных европейских деятелей, прежде всего Нансена и Эррио⁷³. Кроме того, граф обличает французских коммунистов и их газету “Юманите” за нападки и клевету на Эррио⁷⁴.

Между тем, как через несколько месяцев резюмировало французское дипломатическое ведомство, кампания в прессе была шумной, но эффект имела кратковременный, быстрого сближения не получилось. Удалось лишь “ослабить неприятие”⁷⁵.

* * *

Визит Эррио в советскую Россию заставил понервничать пол-Европы. Но до прихода к власти партии радикал-социалистов во главе с Эррио в мае 1924 г. реально продвинуться по пути признания СССР или обмена с ним хотя бы торговыми делегациями не удалось. Отчасти в этом было виновато само советское государство, чья внешняя политика первое время определялась лозунгом мировой революции и коммунистической пропагандой. Однако в конце концов СССР был вынужден не только приступить к налаживанию экономических связей с Западом, но и взять курс на мирное сосуществование с ним. Как отмечает современный французский исследователь С. Берстейн, Эррио приобрел сердечную привязанность к России, заставлявшую его давать авансы советскому режиму, которому он отнюдь не симпатизировал⁷⁶. Один из таких авансов – будущее признание СССР Францией, что и произошло после прихода Эррио к власти.

⁶⁹ Ibid., p. 252.

⁷⁰ Ibid., p. 228.

⁷¹ АВП РФ, ф. 136, оп. 6, п. 5, д. 89, л. 29.

⁷² Русская военная эмиграция..., с. 214, 216, 237.

⁷³ Там же, с. 236–237.

⁷⁴ Там же, с. 214, 237.

⁷⁵ AAE, Correspondance politique et commerciale, 1914–1940. Relations entre la France et l'URSS, v. 350, f. 223.

⁷⁶ *Berstein S. Edouard Herriot ou la République en personne.* Paris, 1985.